заявление Христа, звучащее в конце притчи (*И пойдут сии (козлы)в муку вечную, а праведники в жизнь вечную* (Мф. 25:46)), несомненно, обладает эмотивно-прагматическим потенциалом, имеющим своей целью внушить человеку страх Божий и желание творить благо.

Таким образом, можно утверждать, что евангельские притчи являются эмоциогенными, т.к. не только вызывают эмоции у адресата, но и провоцируют движение его мысли, т.е. «… дается импульс его ассоциативному мышлению с целью привести собеседника к идее, лежащей в основе притчи» [3, с. 47]. Для более эмоционального воздействия на слушающих слово Христа в одних случаях звучит решительно и смело, призывая слушающих ко вниманию: ... *слушайте и разумейте*! [Мф. 15:10], иногда гневно и обличительно по отношению к книжникам и фарисеям (*лицемеры*), иногда угрожающе, как в притче о жестоком рабе: *Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его* (Мф. 18: 35), или в притче о злых виноградарях: ... *отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его; и тот, кто упадет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит* (Мф. 21:43–44). Иногда в слове Христа можно услышать приказ, как в притче о милосердном самарянине: *иди, и ты поступай так же* (Лк. 10: 25–37), или устрашающее предсказание, как в притче об овцах и козлищах: ...*тогда сядет на престоле славы Своей… и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов* (Мф. 25: 31–32).

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод о том, что слово Христа, сказанное в контекстах евангельских притч, имеет эмоциональную интенцию, воздействует на адресата через потенциал, заложенный в ключевых словах-эмотивах, рассмотренных в статье. Выражение доминирующих эмоций, таких как милосердие, сострадание, любовь, а также ненависть, злоба, гнев, отчаяние, страдание, разочарование, страх, демонстрируется через универсальные эмотемы любви, жизни и смерти.

Литература

1. Аверкий (Таушев) (архиеп.). Четвероевангелие. Апостол: Руководство к изучению Священного Писания Нового завета. М. : Православный Свято-Тихоновский гуманит. ун-т, 2005.
2. Святое Евангелие. СПб. : Синодальная тип., 1914.
3. Тумина Л.Е. Притча как школа красноречия. М. : ЛКИ, 2007.
4. Фоли Дж. Энциклопедия знаков и символов. М. : ВЕЧЕ, 1997.
5. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1987.
6. Шаховский В.И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М., 2009.
7. Шаховский В.И. Энергетическая мощность эмоций и дискурсивные нормы // Вопр. психолингвистики. 2008. № 7. С. 39–43.

Emotive and pragmatic potential of a word in evangelical parables

There is shown the realization of emotive and pragmatic potential of an evangelical word, revealed the dominating emotions, which are in the contexts of evangelical parables, and have influence both on the personages of the parable contexts and on a potential reader.

Key words: *evangelical parables, emotiveness, emotive and pragmatic potential, emotives-qualifiers, communicative and emotional situation, dominating emotions.*

Т. А. ЧЕБОТНИКОВА
(Оренбург)

РЕЧЕВАЯ РОЛЬ-МАСКА И ЕЕ ФУНКЦИИ

Описана такая модель речевого поведения личности, как роль-маска, с помощью которой снижается уровень контекстуального диссонанса и которая в зависимости от мотивов, побудивших к ее применению, получает различную функциональную нагруженность.

Ключевые слова: *личность, речевое поведение, роль-маска, контекстуализация.*

«Для человека нет ничего более интересного, чем люди», − писал В. фон Гумбольдт. Именно этим неослабевающим и всепоглощающим интересом объясняется вектор современных лингвистических исследований. Человек говорящий, человек общающийся по-прежнему привлекает внимание исследовате-

© Чеботникова Т.А., 2012

лей и продолжает оставаться предметом изучения и объектом описания.

Идея изучения говорящего индивида была выдвинута на первый план еще младограмматиками (Г. Паулем, Г. Остгофом, К. Бругманом и др.). Мысль о том, что в мире столько языков, сколько говорящих, развивал в XX в. Ж. Вандриес, а Э. Бенвенист разработал теорию, впоследствии положенную в основу теории высказывания, в которой язык квалифицируется как возможность реализации личностного начала человека.

Личность говорящего и предъявляемый ею для всеобщего обозрения образ играют весьма важную роль в процессе человеческого взаимодействия. Наблюдая за поведением, манерами, мимикой и пантомимикой, умением владеть собой, внешностью, осанкой, одеждой − всем тем, что позволяет личности так или иначе «подать себя», мы складываем представление о ней, формируем в своем сознании ее образ и делаем вывод о том, что она представляет из себя. Особую роль в экспонировании образа играет речевое поведение. «Заговори, чтоб я тебя увидел», − эти слова, приписываемые Сократу, наиболее точно отражают сущность и направленность нашего исследования, предметом описания которого является личностный аспект речевого поведения, а точнее − намеренные и осознанные модификации речевого поведения личности с целью создания необходимого образа в различных ситуациях общения.

Говоря о человеке с точки зрения его речевого поведения, мы имеем в виду прагмалингвистические параметры языковой личности и рассматриваем общение как деятельность, обладающую мотивами, целями, стратегиями и способами реализации. Изучение речевого поведения предполагает учет и невербальных средств, а также различных компонентов риторической ситуации, таких как адресант, адресат, отношения между ними, тональность общения, время, место, обстановка. Каждый из них оказывает непосредственное влияние на создание образа личности и его предъявление. Такой подход позволяет не только определить, как говорит человек, какие языковые средства задействует в процессе общения, но и понять, почему и зачем он это делает, установить причины, побуждающие его придавать значимость одним аспектам действительности, игнорируя при этом другие, т.е. позволяет увидеть саму личность – ее интеллектуальный уровень, эмоциональную организацию, духовно-нравственные приоритеты, мировосприятие и особенности самосознания.

В процессе изучения особенностей речевого поведения личности (в нашем случае персонажа художественного произведения) мы обратили внимание на имеющее место в различных ситуациях общения несоответствие реального внутреннего состояния или положения личности и предъявляемого ею внешнего речевого поведения. Такое несоответствие, безусловно, выявляется лишь на уровне текста художественного произведения ввиду наличия в нем авторских ремарок, комментариев, а также внутренней речи персонажа. Приведем пример:

Николай ***понимал, что все было кончено; но он равнодушным голосом сказал****:*

− Что же, не будешь еще? А у меня славная карточка приготовлена. – ***Как будто более всего его интересовало веселье самой игры****.*

«Все кончено, я пропал! – думал он. – Теперь пуля в лоб – одно остается, *− и вместе с тем он сказал веселым голосом:*

− Ну, еще одну карточку»(Л. Толстой. Война и мир).

Несоответствие внутренненего состояния и внешнего поведения очевидно: с одной стороны, понимание героем безвыходной ситуации (*Все кончено, я пропал! Теперь пуля в лоб – одно остается*), а с другой − выставляемые напоказ для всеобщего обозрения веселость и беззаботность.

Аналогичное несовпадение внутреннего состояния и внешнего речевого поведения отмечается у того же персонажа и при разговоре с отцом: Николай Ростов, проигравший в карты огромную, непозволительную сумму и в душе проклинавший себя за это, надевает маску светского хлыща и демонстративно-развязным, небрежным и даже грубым тоном сообщает, что это со всяким случается:

− Ну что, повеселился? – сказал граф, радостно и гордо улыбаясь на своего сына. Николай хотел сказать, что «да», но не мог: ***он чуть было не зарыдал.*** *... И вдруг самым* ***небрежным тоном****, таким, что он сам себе гадок казался,* ***как будто он просил экипажа съездить в город****, он сказал отцу:*

− Папа, я к вам за делом зашел. ***Я было и забыл. Мне денег нужно.***

− Вот как, – сказал отец, находившийся в особенно веселом духе, – я тебе говорил, что недостанет. Много ли?

− Очень много, – краснея и с глупою улыбкой, которую он долго потом не мог себе про-

стить, – сказал Николай. – ***Я немного проиграл, то есть много, даже очень много сорок три тысячи. <…> Я обещал заплатить завтра.***

– Ну!.. – сказал старый граф, разводя руками, и бессильно опустился на диван.

– Что делать! С кем не случалось! – сказал сын развязным, смелым тоном, тогда как в душе он считал себя негодяем, подлецом, который целою жизнью не мог искупить своего преступления. Ему хотелось бы целовать руки своего отца, на коленях просить его прощения, а он небрежным и даже грубым тоном говорил ему, что это со всяким случается (Л.Н. Толстой. Война и мир).

Речевое поведение личности, преимущественно направленное на формирование внешнего образа с целью сокрытия того, что имеется в реальности, выполняет функции, свойственные маске: с одной стороны, скрывает то, что имеется в наличии, с другой – предъявляет то, что отсутствует в действительности. Личность, оформляющая себя подобным образом, исполняет роль-маску, под которой мы понимаем тип поведения и сознания, представленный в виде своеобразной речеповеденческой модели, включенной одновременно в контекст речи и в контекст жизни, отражающей не сущностные характеристики личности, а ее дискурсивные проявления, имеющие определенные аксиологические и этические аспекты; поведение, оформляющее образ личности, которое не отражает, а изображает ее внутреннее состояние или положение вещей [2, с. 319]. Ведущей особенностью роли-маски является наличие двух планов содержания: внешнего – Я-для другого (по М. М. Бахтину) и внутреннего – Я-для себя. Таким образом, маска – это «знак», который личность предлагает обществу вместо себя. Несмотря на присущую маске семиотичность, установление инвентаря ее средств с помощью только лингвистического анализа представляется затруднительным. Присутствие маски и ее составляющих может быть выявлено при подключении к лингвистическому анализу когнитивно-перцептивного фактора, а также при наложении внешнего речевого поведения и внутренней речи. Последнее оказывается технически возможным только в том случае, если исследователь имеет дело с письменным текстом, в котором имеются соответствующие необходимые данные.

Ю.М. Лотман считает маску вполне осознанным способом существования индивида в обществе, его ориентированность на присутствие зрителей и дистанцированность от них [7, с. 312]. Такое понимание маски соотносимо с понятием, обозначаемым термином «имидж», который в энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» квалифицируется как одна из престижных моделей поведения, представляющая собой образ, осознанно создаваемый с целью достижения успеха [6, с. 206]. Одним из атрибутов имиджа является маска, в частности речевая. Большое значение для выбора и оформления маски имеют ценностные установки личности, которые выступают как локаторы ее нравственного сознания. От того, с какими ценностями личность соотносит себя, на какие идеалы ориентируется, какие отношения культивирует, будет зависеть выбор речеповеденческой модели, ее содержание и исполнение. Поскольку в процессе создания имиджа особую значимость приобретают не действия, совершаемые личностью, а впечатление, оказываемое ею на публику, то речевая составляющая становится едва ли не самой важной.

В русской культурной традиции имидж противопоставляется естественному образу, представляющему совокупность дел и слов. Анализ вариантов речевого поведения показывает, что в определенных ситуациях общения образ личности приобретает прагматическую наполненность и трансформируется в имидж, атрибутом которого является маска:

Она (Наталья Павловна) сложила письмо (содержание которого было ужасно) и спокойно проговорила:

– Приготавливайте чай и садитесь сюда, ко мне. Ася бледная, ей надо пораньше лечь.

Своим тоном она установила тот градус выдержки, который должен был держаться в семье, что бы ни случилось (И. Головкина. Побежденные).

Спокойный тон, внешняя демонстративная уравновешенность, обыденная фраза, сказанная героиней, никоим образом не соотносящаяся с информацией, полученной в письме, были средствами создания маски, за которой скрывалось безутешное горе, но которая соответствовала привычному для всех образу бабушки Натальи Павловны и не позволяла окружающим расслабиться.

Мотивы создания и выбора маски многообразны: это могут быть желание и потребность приспособиться к среде, вписаться в культуру, соответствовать сложившимся представлениям о себе самом, стать своим или чужим, восхищать, вызывать зависть, злить, эпатировать,

так или иначе манифестировать свою индивидуальность. Мотивом может выступать также «освобождение от тягот реальной жизни, обстоятельств и забот» [1, с. 119]. С этой целью личность выстраивает свое поведение по модели Другого, самовольно присваивая и исполняя чужую роль, или изображает другое эмоциональное состояние. При этом предъявляемое оказывается не более чем искусной театральной декорацией.

В зависимости от мотивов выбор, принятие и исполнение личностью роли-маски могут быть как добровольными и самостоятельными, так и вынужденными, навязанными средой. Посредством добровольно и самостоятельно принятой роли-маски (отметим, однако, что выбор маски не совсем произволен: маска должна компенсировать то, чего личности, по ее оценке, не хватает и что ей, по-видимому, необходимо) личность получает возможность продемонстрировать собственные потенциальные возможности, желания и стремления, затаенные или подавленные. Такая роль-маска выступает в качестве своеобразного к о м п е н с а т о р а – механизма, с помощью которого выравнивается несоответствие личностных притязаний и того, что имеется в наличии, вызывается чувство удовлетворенности собой, приближенности к тому, к чему личность в действительности не принадлежит, дается «ощущение нового мира, нового бытия, где я "Федот, да не тот", а нечто получше, повыше, поинтереснее» [3, с. 15]. От этого повышается самооценка личности:

Тут Фреда остановил юноша в серебристой куртке. Состоялся несколько загадочный разговор:

– Приветствую вас.

– Мое почтенье, – ответил Фред.

– Ну как?

– Да ничего.

Юноша разочарованно приподнял брови:

– Совсем ничего?

– Абсолютно.

– Я же вас просил.

– Мне очень жаль.

– Но я могу рассчитывать?

– Бесспорно.

– Хорошо бы в течение недели.

– Постараюсь.

– Как насчет гарантий?

– Гарантий быть не может. Но я постараюсь.

– Это будет фирма?

– Естественно.

И так далее. Фред сказал:

– Обратите внимание на этого фраера. Год назад он заказал мне партию дельбанов с крестом…

Я перебил его:

– Что такое – дельбаны с крестом?

– Часы, – ответил Фред, – неважно… Я раз десять приносил ему товар – не берет. Каждый раз придумывает новые отговорки. … Я все думал – что за номера? И вдруг уяснил, что он не хочет покупать мои дельбаны с крестом. ***Он хочет чувствовать себя бизнесменом, которому нужна партия фирменного товара. Хочет без конца задавать мне вопрос: «Как то, о чем я просил?»*** (С. Довлатов. Чемодан).

В том случае, если принятие и исполнение роли-маски оказывается вынужденным, недобровольным, то личность изменяет свое поведение, соотнося его с имеющимися ограничениями, под давлением окружающей среды или конкретной ситуации общения, составляющими компонентами которой являются время, место, участники. Роль-маска этого типа выполняет функцию а д а п т е р а – устройства, позволяющего осуществить контекстуализацию, т.е. максимально органичное вхождение в действительность. Совокупность осуществляемых/осуществленных личностью речеповеденческих мероприятий с целью создания/изменения востребованного образа, мотивированных структурой социальной ситуации, компонентами которой являются место, время, участники, отношения между ними, тональность общения, цель общения, средство общения (язык, его подсистема, параязыковые средства – жесты, мимика), способ общения, и/или культурным контекстом, определяющимся нормами, ценностями, типами контактов и совместных действий, а также различными ролевыми предписаниями, мы называем контекстуализацией. Понятие контекстуализации (contextualisation) введено Дж. Гамперцем. Оно основано на том, что говорящий озабочен не только тем, чтобы доводить до слушателя правильно сформулированные утверждения, но и тем, чтобы эти утверждения были вписаны в соответствующий контекст, в котором они получили бы надлежащую интерпретацию. Дж. Гамперц указывает виды контекстуализации: переключение кода (например, переход с одного стиля на другой), повышение или понижение тона, изменение скорости речи, изменение позы говорящего и т.п. [5, с. 123].

Например, в романе Т. Головкиной «Побежденные», в котором описывается жизнь в послереволюционный период, один из героев,

дворянин по происхождению, понявший, что *надо приспосабливаться к новым условиям существования*, советует своей сестре-дворянке скрывать если не сущностное, то хотя бы истинное, измениться внешне, предстать «перед товарищами» в новом образе: *Необходимо изменить если не душу, то хотя бы манеру держаться, перекрасить шкурку в защитный цвет*; *надо поставить себя так, чтобы никто на службе или в учебном заведении не смог заподозрить в тебе дворянку*, при этом особое внимание уделить своей речевой манере: *Ты вместо «спасибо» всякий раз говоришь «мерси» и при этом очаровательно грассируешь, обнаруживая идеальный парижский выговор. Будь уверена, что этим одним словом ты можешь предубедить против себя всю окружающую среду*. Давая советы, он приводит в качестве примера себя самого: *Я однажды вылетел с треском с рабфака потому только, что не сумел держать себя так, как это было необходимо перед своими же товарищами да всевозможными месткомами и партячейками. С тех пор* ***я стал иначе говорить, иначе смотреть****. Отчасти это пошло мне во вред, но* ***я предпочитаю лучше покраснеть перед бабушкой, нарушив правила хорошего тона, чем обнаружить свое подлинное лицо перед рабочим.…В нас развивали утонченность мысли, эстетическое чувство, изящество манер, обостряли нашу впечатлительность, а теперь вместо этой культуры нам нужнее была бы здоровая простота чувств и непоколебимая самоуверенность, которая часто происходит от ограниченности, но за которую я теперь охотно бы отдал всю свою развитость и щепетильность*** (И. Головкин (Римская-Корсакова). Побежденные).

В ряде случаев принятая модель речевого поведения является результатом не только и не столько индивидуального выбора или влияния социальной среды, сколько совокупно действующих разных налично-бытийных обстоятельств: происхождения, пола, материального положения, воспитания, статуса и пр.: *Когда мне однажды пришлось свидетельствовать в участке подпись, то один вид толстого пристава с рыжими подусниками в ладонь, с выпяченной грудью и с рыбьими глазами, который все время меня перебивал, не дослушивал, на минуты забывал о моем присутствии или вдруг притворялся непонимающим самой простой русской речи, − один его вид привел меня в такой гадкий трепет, что я сам слышал в своем голосе заискивающие, рабские интонации. Кто виноват в этом? Я тебе скажу: моя мать. Она рано овдовела, и мои первые детские впечатления неразрывны со скитанием по чужим домам, клянчаньем, подобострастными улыбками, угодливостью, попрошайничеством, слезливыми жалкими гримасами, с этими подлыми уменьшительными словами: кусочек, капелька, чашечка чайку… Я ненавидел и боялся их, этих благодетелей, как и теперь ненавижу….* <…> ***Когда я говорю с ними, я чувствую, что на лице моем лежит противной маской чужая, поддакивающая, услужливая улыбка*** (А.И. Куприн. Река жизни).

Подобная реакция в теории Г.И. Гурджиева квалифицируется как внутренняя предупредительность, обнаруживающая себя в постоянном ощущении дефицита, нехватки внимания и расположения со стороны других людей и в постоянном стремлении восполнить этот дефицит идентификацией с ожиданием других [8, с. 15]. Появление маски объясняется сформированным в сознании личности специфическим «социальным» опытом, давление которого воспринимается самой личностью негативно.

Нежелание, отказ личности исполнить и принять ту или иную конкретную роль-маску, пренебрежение к ее исполнению воспринимается в обществе, как правило, отрицательно вследствие создания контекстуального диссонанса.

Таким образом, независимо от причин, лежащих в основе принятия и исполнения роли-маски, личность с ее помощью выступает в образе, который служит в качестве социальной одежды, подчеркивающей или, наоборот, скрывающей те или иные черты и формы и способствующей продвижению в среде обитания.

Личность, не имеющая мотивов создавать роль-маску и исполнять ее при построении своего Я, собственного образа, безусловно, также прибегает к различным модификациям: убирает, нивелирует то лишнее, что неблагоприятно, не в лучшем виде представляет ее в глазах всего общества в целом, социальной группы или отдельной личности. Однако при моделировании и исполнении роли-маски отсекается *не лишнее, а главное, сущностное*, и предъявляется рафинированный образ. При этом создание нового образа становится самостоятельной риторической задачей.

Литература

1. Апинян Т.А. Игра в пространстве серьезного. Игра, миф, ритуал, сон, искусство и другие. СПб.: С.-Петерб. ун-т, 2003.

2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1989.

3. Евреинов Н.Н. Театр для себя. М. : Б. и., 1923.

4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

5. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М. : Наука, 1989.

6. Культура русской речи: энцикл. словарь-справочник. М. : Флинта: Наука, 2003.

7. Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в культуре XVIII в. // Статьи по семиотике и типологии культуры. СПб. : Акад. проект, 2002.

8. Орлов А.Б. Личность и сущность: внешнее и внутреннее Я человека // Вопр. психологии. 1992. № 3.

Verbal mask-role and its functions

There is described such model of verbal behaviour as mask-role, with the help of which the level of contextual discord is reduced and, depending on the motives of its use, acquires different functions.

Key words: *personality, verbal behaviour, mask-role, contextualization.*

Е.И. БРЕУСОВА
(Сургут)

ПРОЯВЛЕНИЕ СВОЙСТВ ПОЧЕРКА В СИСТЕМЕ ПИСЬМА

Рассмотрены индивидуальность и устойчивость как свойства почерка, проявляющие себя в противоположном: индивидуальность может создавать коммуникативные помехи в процессе письменного взаимодействия, а устойчивость позволяет читающему распознавать написанное на основе идентификации графических знаков. В этом выражается феноменальность почерка в системе письма.

Ключевые слова: *почерк, письмо, речевая деятельность, графический знак, индивидуальность и устойчивость как свойства почерка.*

Лингвистическое исследование письма стало осуществляться еще в конце XIX – начале XX в. Однако только с середины XX в. языковеды приступили к тщательному изучению речевой деятельности (РД) во всех ее формах и проявлениях, в том числе письма и чтения. Данные виды РД опосредованы графикой. Этим они и связаны.

Письмо можно рассматривать не только как вид РД, но и как средство и способ графической фиксации речи и ее элементов. В связи с этим включение проблемы почерка как манеры письма того или иного носителя языка, как фиксируемой в рукописных текстах характерной для всякого пишущего и «основанной на его письменно-двигательном навыке системы движений, с помощью которой выполняются условные графические знаки» [8] в лингвистическую проблематику является актуальным. Между тем почерк и его особенности интересуют также криминалистику, графологию, психологию, педагогику и т.п.

Известно, что умение писать приобретается в результате длительного обучения и тренировок. «Легко видеть, что у начинающего писать учащегося письмо складывается из отдельных, изолированных нажимов, у учащегося третьего года обучения эти нажимы начинают объединяться в сложные группы, а у взрослого они складываются в целые сложные комплексы движений, каждое из которых соответствует записи целого слова» [6, с. 16]. Вместе с тем отдельные индивидуальные признаки почерка начинают проявляться у детей уже в 3–4-м классах. Однако почерк как совокупность сложных двигательных навыков, обусловленных деятельностью центральной нервной системы человека, доведенных до автоматизма, складываются в 5–6-м классах. В связи с этим различают технические навыки (посадка человека при письме, расположение бумаги, держание пишущего средства); графические навыки (воспроизведение письменных знаков и их сочетаний); навыки письменной речи (словарный состав и построение текста, предложений). Совокупность же технических и графических навыков, отображающихся в рукописи, характеризуют почерк человека.

Безусловно, каждый пишущий вырабатывает навыки начертания графических знаков под влиянием не только объективных, но и субъективных факторов. К объективным относим методику обучения письму, обстановку, в которой проходит обучение, продолжительность тренировки, дальнейшую практику, пишущие средства и пр. Субъективные факторы включают анатомические, биомеханические, психологические особенности личности, типологические особенности нервной системы, состояние органов зрения, особенности зрительного восприятия и памяти, волевые качества и пр. Воздействие этих факторов

© Бреусова Е.И., 2012